

Павел Девяшин

Соколиная охота

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.4
ББК 84(2)6
Д25

Девяшин П. Н.

Соколиная охота / П. Н. Девяшин — Москва: ЛитРес:
Самиздат, 2020. — 285 с.

ISBN 978-5-532-07107-0

1840 год. В дом А.Х. Бенкендорфа - начальника тайной полиции - является граф Киселев. Опытные царедворцы начинают своеобразную «шахматную партию», вовлекая друг друга в хитрую политическую интригу. Полгода спустя в уездный город Курган по приглашению местного помещика прибывает молодой фехтмейстер - Иван Карлович Фальк. Юноша еще не знает, что его наняли обучать фехтованию крепостных. Герою предстоит выяснить, что происходит в пользующейся дурной славой усадьбе и разобраться в перипетиях высокой политики. Сколько смертей случится, прежде чем завершится игра тайных служб великой империи?

ISBN 978-5-532-07107-0

© Девяшин П. Н., текст, 2020
© Omiko Trading LTD., оформление, 2020

Глава первая

Граф Киселев никогда не любил пышных выездов. Будучи человеком государственного масштаба, да притом самого что ни на есть высочайшего толку, он, министр государственных имуществ, держался самых простых правил и обыкновений. Потому никому из поздних прохожих и в голову бы не пришло предположить в мчащейся сквозь наледь и мокрый снег карете столь важной особы.

На пятьдесят втором году жизни Павел Дмитриевич знал наверняка, что покой и праздность – есть удел человека без цели и что истинная благодетель заключается преимущественно в движении и скорости. Уходящий 1839 год, который заканчивался сегодня, пролетел так стремительно, точно желал угодить графу, в полной мере соответствуя его представлениям и взглядам.

И даже теперь, в эту последнюю и праздничную дату, Киселев занял весь свой день почти до отказа всевозможными делами и службами. До полуночи оставалось всего несколько часов, но прежде чем отправиться, наконец, домой и выпить бокал-другой шампанского в кругу любезных сердцу друзей, министру оставалась еще одна встреча. Пожалуй, самая важная.

По дороге его захватила непогода, он долго кружил меж занесенных столичных улиц и прибыл к огромному итальянского вида палаццо со значительным опозданием. Не в присутственные часы, как хотел, а много позже, когда уже было совсем темно. Карета, снабженная отменно смазанными полозьями, имела самый обыкновенный облик и смотрелась в сравнении с другими упряжками, вытянувшимися ровной линией вдоль чугунной ограды, как уличный кот среди благородных гепардов.

Павел Дмитриевич отворил слепую от инея дверцу и, мелко перекрестившись, шагнул на мощный черным булыжником тротуар. Ветер сей же миг кинул ему в лицо липкие хлопья и попытался сорвать с головы высокий цилиндр, однако не преуспел, чиновник придержал головной убор рукой, и хлопнул с досады открытой двер-

цей. Затянутое ледяным узором стекло жалобно задребезжало, но устояло.

Граф самым неприличным образом выразился по матери, покрепче запахнул на мундире бобровую шубу и поспешно отвернул голову назад, давая студеному порыву чуть приутихнуть. Взору открывался привычный ландшафт зимнего города. Казалось бы, что на него глядеть? Снег, вьюга и тяжелое декабрьское небо – ничего необычного. Однако был в этом пейзаже некий тревожный знак.

«Какой разительный контраст», – думал Павел Дмитриевич. – «С одной стороны улицы первостатейный сицилийского мрамора особняк, принадлежащий второму человеку в империи, графу Александру Христофоровичу Бенкендорфу, а с противоположной: черные осколки жилых зданий, трущобы и самые какие только бывают злые на свете места. Бедность, косность и мерзость».

Граф упрямо тряхнул головой. Велев слугам дожидаться у кареты, он торопливо зашагал к дому начальника тайной полиции.

Дом этот по праву мог считаться архитектурной достопримечательностью столицы. Выходя одной своей стороной на респектабельный бульвар, другой громоздился над улочкой убогой и грязной, откуда, заплутав в снежных заносах, пожаловал возок Павла Дмитриевича. Граф знал, что подобное расположение имело особый смысл. Это была своего рода демонстрация беспристрастности государственной власти, закона, стоящего на страже интересов всех социальных слоев общества. Как чистой публики, так и простого люда.

Отворивший министру швейцар, даром, что при ливрее и пышных бакенбардах, статью и повадкой напоминал жандармского вахмистра. Для пущего сходства недоставало только эполет да сабли на ременной перевязи. Киселев совершенно не удивился сверхъестественной осведомленности привратника, с порога, заявившего, дескать, его высокопревосходительство об этот час обыкновенно изволят ухаживать за фикусом и просят их высокопревосходительство пожаловать к ним туда, напрямик в зимний сад.

Миновав анфиладу бесчисленных залов и пышно обставленных комнат, они оказались в маленькой передней, отделявшей при-

емные помещения от внушительного размера оранжереи, крытой толстым зеленоватым стеклом. Здесь швейцар сдал Павла Дмитриевича с рук на руки другому слуге, дежурившему по вечерам неотлучно при графе Бенкендорфе. Сей молодцеватый субъект, имел настолько свирепую наружность и идеальную выправку, что у министра рассеялись последние сомнения, перед ним – Его Императорского Величества Отдельного корпуса жандармов офицер. Притом, не из последних.

– Здесь обождите, – сказал он строго и важно, опустив светские церемонии и всякое положенное к обстоятельствам титулование. – Доложу-с.

Камердинер исчез за дверью. Граф, временно предоставленный самому себе, скинул с плеч тяжелую шубу, оставил цилиндр, трость и принялся с беспокойством прохаживаться взад-вперед, безотчетно подкручивая превосходный пшеничный ус. Антураж передней был очень простой, смотреть решительно не на что, потому Киселев глядел все больше под ноги и невольно как бы прилип взором к сияющему в черно-белую клетку полу.

«Точно шахматная доска», – подумалось ему с некоторой иронией, – «точно мы с графом в шахматы играем! Сравнение, пожалуй, пошлое, но суть подхвачена правильно. На кон поставлены жизни! Игра опасна, каждый ход может подвести к последней черте, потому и продумывается до мелочей. Теперь, когда оппоненту фактически поставлен шах, совершенно невозможно стало ни отступить, ни, упаси Господь, оступиться. Как говорится, грудь в крестах, иль голова в кустах».

Минуту спустя дверь отворилась вновь. Изнутри помещения послышался зычный и ровный голос давешнего слуги:

– Пожалуйте, господин министр!

Александр Христофорович Бенкендорф стоял среди буйно цветущей зелени с серебряной лейкой в руках и с видимым расположением глядел на вошедшего Киселева. Он до того лучился приятностью, что даже шагнул посетителю на встречу шага три-четыре.

Руководитель политического сыска, невзирая на поздний час и приближающееся торжество, встретил неожиданного гостя ласково. Не чинясь. Он обращался к Павлу Дмитриевичу с дружеской обходительностью, благостно улыбался и цитировал Евангелие. Однако визитер был с гостеприимным хозяином строг и, уклонившись от праздной беседы, поспешил поскорее разяснить, в чем состоит цель его приезда.

– Александр Христофорович, вам отлично известна высочайшая воля и государственная линия в отношении крестьянского вопроса.

– Вы хотели сказать, дорогой Павел Дмитриевич, ваша линия и ваша воля?

Министр пожал плечами, не обратив внимания на ироничный тон графа.

– Хорошо. Пусть будет моя воля. И она такова: я считаю, ваше сиятельство, что бунташные настроения, столь популярные ныне в нашей отчизне, следует преодолевать, прибегая не к реакционным мерам, а к реформаторским. Насилием...

– Ах! – всплеснул руками Бенкендорф. – С места в карьер! И сразу о высоких материях.

– ...Насилием, наверное, вообще нельзя ничего добиться, кроме ответного насилия. Куда более эффективным методом искоренения революционной заразы, на мой взгляд, является государственная поддержка самого бесправного и самого большого сословия – крестьянства. Дай мужику защиту и у государя не будет более преданного и надежного слуги. Господам революционерам не на кого станет опираться, раздувая свои крамольные теории и строя бесконечные козни. Они не станут поливать российские мостовые собственной кровью. Эти говоруны только и умеют, что пить кофе со сливками, философствуя где-нибудь на солнечной террасе в Берлине или Цюрихе.

– Весьма оригинальная мысль, друг мой, и даже похвальная! Но что же вы хотите от меня?

– Отдайте мне князя Арсентьева.

Шеф третьего отделения с наигранным удивлением вскинул брови.

– Дмитрия Афанасьевича?

– Да. Помещик заигрался. Слухи о его жестокости в обращении с крепостными вышли далеко за пределы губернии, в которой он имеет честь проживать.

– Наслышан, наслышан! – Бенкендорф покачал головой, стараясь не растрясти редкие напомаженные кудри. – Несусветное безобразие, Павел Дмитриевич! Этому немедленно должен быть положен конец.

– Только не вашими излюбленными методами! Знаю я, как третье отделение решает подобные проблемы. Концы в воду и все шито-крыто. Предоставьте дело мне, обещаю, изувер Арсентьев станет первой ласточкой в череде грандиозных судебных процессов в отношении лиц дворянского звания, порочащих честь России. Простой люд должен видеть и понимать заботу государства. Об этом нужно греметь, дабы все осознали, что в русском краю царит просвещение и вера в права человека. Это будет спасительно для отчизны, для государя и для нас с вами. Россия в глазах международной общественности выйдет из числа опальных и встанет в единый ряд с первейшими в истории державами. Заявляю прямо, я прибыл к вам всего прежде для того, чтобы нам в этой точке объясниться и впредь не толкаться локтями.

Александр Христофорович с мягкой улыбкой поманил графа за собой, куда-то вглубь тропического Эдема.

– Вот-с, – обвел он рукою свой сказочный сад, – более трехсот квадратных саженей деревьев, цветов и иных посадок. Здесь у меня собраны самые разнообразные плоды. Клубника, бананы, лимоны и даже гранат.

Киселев подумал, что ослышался и довольно невежливо поинтересовался:

– Причем здесь ваша оранжерея, граф?

– Ну как же! На ее примере я выскажу вам собственное мнение о предмете нашего разговора. Вы же простите старику любовь к аллегориям?

Павел Дмитриевич нетерпеливо повел плечом, но промолчал.

– Всякому лужку неприлично зарастать только полевыми травами, сколь полезными бы они не были. Скучно! Потому природа наградила нас яркими и пышными цветами. Однако, строя дом в дремучей куще, человек непременно подстраивает ее под себя. Отсекает лишнее, оставляя только то, что соответствует его представлению о пользе дела и красоте. Но не достаточно единожды обуздать стихию, за ней нужен неустанный контроль. Стоит на мгновение утратить бдительность и все... пиши пропало, кругом безраздельно воцарится сорняк и хаос. Только опытному садовнику по силам содержать свой зеленый остров в порядке и надлежащей чистоте. Не трогать лишнего, но безжалостно выдергивать каждый пустоцвет и после, обернувшись в конце утомительного дня на результат своих трудов, усладить, наконец, взор картиной сочных и геометрически выверенных клумб. Так устроена разумная жизнь. Ну, согласитесь, глупо садовнику в стремлении вырастить самый большой кабачок шептать ему комплименты и показывать картинки с гигантскими тыквами, а после, когда облагодетельствованный корнеплод вымахает, в лучшем случае, до стандартных размеров, пенять ему, что тот незаслуженно почил на лаврах. Нет, здесь поможет только прополка!

Тут терпение Киселева лопнуло как мыльный пузырь.

– Люди, по-вашему, Александр Христофорович, сплошь пустоцвет? Впрочем, соглашусь, Арсентьев самый настоящий сорняк! И да, сорняки, нужно выпалывать, но делать это следует цивилизовано – в перчатках и при помощи соответствующих инструментов, аккуратно. Не драть голый рукой, попутно затаптывая обеими ногами ни в чем не повинные цветы.

Бенкендорф несколько не смутился и вдруг сделал Павлу Дмитриевичу вопрос:

– Признайтесь, господин министр, это вам барон Коршаков про князя-то Арсентьева проболтался? Откуда вы могли знать, что формуляр на этого, безусловно, несимпатичного сиятельства покоится на моем столе в текущих бумагах? Право, не отвечайте, я и сам теперь вижу, что Коршаков. Что ж, это он не нарочно, это только так-с... Милый старикашка, наш с вами барон. Знаете, граф, он нынче больше в грезях, да, пожалуй, в кураже, но все одно держится самого

тузового общества и обществом этим ценим. К слову сказать, приходится мне дальним родственником по супруге. Хе-хе! Люблю его светло и невинно, а почему так – не могу понять и сам.

Киселев нахмурился.

К сему моменту он уже понял, что начальник третьего отделения, кажется, не желает воспринимать его всерьез и от затей своей, касательно заигравшегося князя, нипочем не отступится. Никакого суда Бенкендорф, конечно, не потерпит, боится, что в ответ фраппированное дворянство затеет против помазанника какой-нибудь великосветский заговор. Арсентьев может быть сколько угодно мерзавцем, но публичная порка титулованной особы – настоящая пощечина русской элите. Нет, сорняк выдернут с корнем, и перед его императорским величеством ляжет доклад о приключившемся с опальным помещиком несчастье или о какой-нибудь выпавшей на его долю тяжелой болезни.

Сверкнув глазами, Павел Дмитриевич коротко поклонился, показывая, что разговор окончен.

– До свидания, ваше высокопревосходительство! Рад, что нам удалось, наконец, поговорить по душам и обменяться суждениями. Еще раз прошу, не вмешиваться в дело Арсентьева! Я сам отличным манером все обустрою, только не ставьте мне в колеса этих ваших полицейских палок.

Поклонился и граф Бенкендорф, коротко сказал с улыбкой:

– Благодарю за откровенную беседу, Павел Дмитриевич, и за доставленное удовольствие вас лицезреть!

Поздний посетитель с достоинством удалился и более своей персоной дом начальника тайной полиции не достаивал. Вызов состоялся, перчатка была брошена.

До дома Павел Дмитриевич добрался всего за четверть часа до полуночи, в ту минуту, когда его уже перестали ждать. В малой зале, перед почти прогоревшим камином, неподвижно стояла Джаелл.

Киселев привез ее лет пять назад из Бухарешта. К тому времени его брак перестал существовать. Природа позаботилась о том, чтобы всякий человек, кем бы он ни был, и какого бы положения ни зани-

мал в свете, отчаянно нуждался в любви и в желании быть кому-то одновременно полезным и благодарным. Особенно, если этот человек разменял шестой десяток, и у него нет детей.

Девушка почти не имела изъяна. В переводе с румынского имя Джаелл означало «дикая козочка», что в полной мере соответствовало ее характеру и служило отражением натуры. Она могла с утра до ночи гулять по саду или дому, напевать что-то себе под нос и не интересовалась решительно ничем, кроме самого графа, к которому успела искренно привязаться и даже по-своему полюбить.

— Paul, vite, verser un peu de champagne, la fête sur la porte! (франц. «Поль, скорей налей шампанское, праздник у двери!»), — произнесла молодая румынка, с легким беспокойством заглядывая в глаза Павлу Дмитриевичу.

Министр выдавил из себя улыбку, вздохнув, откупорил протянутую слугою бутылку и наполнил стоящие на изящном столике фужеры. Киселев рассеяно слушал веселое щебетание подружки, изредка что-то отвечал и даже смеялся ее шуткам, но мысли его были далеко.

Затея с Арсентьевым крайне тонка и опасна, думал граф. Всего несколько часов назад государь, лично выслушав его доклад, ответил:

— Ну что, Павел Дмитриевич, попробуй!

Сам император доверился ему. Каково! Если сделать неверный шаг, можно раз и навсегда загубить карьеру. С другой стороны, победа сулит настоящий взлет, такой, что дух захватывает; под самые облака и даже выше.

При этом нельзя недооценивать Бенкендорфа. Спокойный сон государя-императора этот ловкий и осторожный во всех решительно отношениях господин ставит много выше интересов справедливости и даже репутации отечества. Потому скорее сбреет начисто свои знаменитые бакенбарды, нежели допустит огласку злоупотреблений русским дворянином властью над челядью. От одной только мысли о методах охранки волосы на голове встают дыбом!

Третье отделение — мощнейший полицейский механизм в Европе. Притом приспособленный не только для охранения правопорядка,